

OSOKIN M.Yu.¹ Some cheese for the eraser store[©]. Book review: Solovjev A. The issue of Russia and Europe in Russian literary travelogues (Fonvizin, Karamzin, Dostoevsky)

Abstract. Among useful aspects of the work are chapters on V. Izmaylov, P. Makarov, P. Shalikov, whose texts are not extensively explored; the author fills this gap simply by referring to them. The drawbacks include contentious and questionable interpretations of sources and debated topics, as well as a theoretically underdeveloped section that is supposed to unify this collection of articles. Reading becomes truly tedious as the researcher persistently focuses on what he is worst at – interpreting and generalizing. A. Yu. Solovyov simplifies the texts into the categories of “disappointed travelers” (Fonvizin’s *Letters from France*, Kantemir’s letters) and “naive travelers” (travelogues by Karamzin and Dostoevsky), neglecting strategies and texts that go beyond these straightforward definitions.

Keywords: travelogues; sources; Denis Fonvizin; Antiokh Kantemir; Francesco Locatelli; Nikolay Karamzin; Pidansat de Mairobert.

To cite this article: Osokin, Mikhail Yu. “Some cheese for the eraser store. Book review: Solovjev A. The issue of Russia and Europe in Russian literary travelogues (Fonvizin, Karamzin, Dostoevsky)”, *Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 7: Literary studies*, no. 4, 2024, pp. 42–56. DOI: 10.31249/lit/2024.04.03 (In Russian)

Received: 01.03.2024

Accepted: 30.07.2024

Предмет исследования, как его описывает А.Ю. Соловьев, – «модель “русский в Европе”», в том числе «авторское “я” – его образ или поза», декларируемое отношение «я» к Европе, «коммуникация с читателем» [Соловьев, 2022, с. 9–10] на материале путешествий русских по Европе XVIII – начала XIX в. География не главное, поэтому в анализ будут включаться «травелоги с российским маршрутом и иностранные травелоги» [Соловьев, 2022, с. 8],

¹ **Osokin Mikhail Yurievich** – Candidate in Philology, independent scholar, Sattahip (Thailand); mike.osokin@gmail.com

© Osokin M.Yu., 2024

хронология – тоже, поэтому включаются «отдельные явления 1830-х и 1860-х годов» [Соловьев, 2022, с. 8]. «Русский европеец» – слишком большой кусок, поэтому из анализа исключается «фигуральная литература», см. работы В. Марковича об этой теме у Ивана Тургенева [Соловьев, 2022, с. 173–174], однако не вполне: будут немного рассматриваться пародии на «сентиментальные путешествия» («Новый Стерн» Шаховского), поэма Вольтера «Русский в Париже» [Соловьев, 2022, с. 34] и «Путешествие из Петербурга в Москву». «Конечно, “Путешествие...” Радищева – полностью фикциональное, тем не менее его иногда включают в историю литературы путешествий в России на правах “подстрекателя” жанра» [Соловьев, 2022, с. 177], но есть и ни к чему не подстрекательная «Тоска по родине» (1839) М.Н. Загоскина [Соловьев, 2022, с. 134–135, 156–161, 168–169], фикциональная настолько, что по завязке видно, к чему все клонится. Также имеется переписка Кантемира с сестрой [Соловьев, 2022, с. 29], письма И.И. Шувалова «любопытны, однако в силу их чисто документальной природы мы не будем их касаться» [Соловьев, 2022, с. 34], развитие модели «россиянин в Париже» в драматургии «в наши задачи... не входит» [Соловьев, 2022, с. 33, прим. 22]. Итак, исследуются травелоги XVIII в. плюс Достоевский минус фикциональная проза плюс «Путешествие» Радищева минус чисто документальные свидетельства плюс переписка Кантемира минус письма Шувалова плюс сатира Вольтера 1760 г. и антикарамзинисты минус драматургия плюс, потом добавятся, тексты европейцев о России, с которыми путешественники спорят.

Автор книги о русских в Европе в травелогах с российским маршрутом делает еще несколько оговорок, что он будет исследовать, а что не будет, и критикует исторические очерки А. Шёнле, Д. Оффорда и С. Дикинсон: «Общим недостатком этих работ является, на наш взгляд, то, что они идут в основном по хронологии произведений» [Соловьев, 2022, с. 9]; статья Т.А. Роболи 1926 г. «значительно превосходит почти все написанное о путешествиях после нее: она занимается (видимо, статья, а не сама Роболи, умершая в 1972 г. – М. О.) типологией, а не генезисом», но пахнет формализмом и не раскрывает «важную для нас тему “Россия и Европа”». Хронология – недостаток, типология – достоинство, А.Ю. Соловьев прочел все, но отобрал только то, что «концептуа-

лизировало отношение к Другому» [Соловьев, 2022, с. 7]. Прежде чем осудить автора по закону, им самим над собою признанному, придется разобраться в устройстве его концептометра инструментами для грубой работы.

Избавившись от фикциональной прозы, вернее, постулировав, что выбраны тексты нефикциональные, однако и не вовсе документальные, автор принимается извлекать фикциональность из них: описания впечатлений от путешествий «не могут формироваться по принципу “увидел и рассказал” (если они строятся так, то это признак эпатажа, как в “Сентиментальном путешествии” Л. Стерна), это всегда конструируемый объект» [Соловьев, 2022, с. 16], «россиянин в Париже» связан с критикой нравов и берет начало в моралистической и сатирической литературе [Соловьев, 2022, с. 17]. Путешественники у А.Ю. Соловьева постоянно что-то «конструируют» (это слово повторяется 67 раз), «моделируют» («модель» и однокорневые употреблены 152 раза на 206 страницах, остальные технические) и собирают сведения о «Другом». Эта терминология из философии XX в., будучи спроецированной на XVIII, приводит к выводу: постоянный русский посол в Гааге А.А. Матвеев, автор «Дневника частного посольства ко французскому двору», «не был новичком в европейской жизни и <...> до поездки в Париж провел несколько лет в Нидерландах, т.е. был подготовлен к восприятию нового. Однако в своих записках Матвеев применяет стратегию описания именно с позиции первой “встречи”» [Соловьев, 2022, с. 26]. Как ему еще, спрашивается, описывать Париж, если он там не был и не думал о Европе как о «другом вообще», иначе зачем, действительно, ехать во Францию, раз уже был в Нидерландах.

В подзаголовок вынесены фамилии трех известных писателей, тексты которых автор называет «прецедентными» («русская литература путешествий весьма обширна», «поэтому мы останавливаемся на прецедентных текстах»), – «Письма из Франции» Фонвизина, «Письма русского путешественника» Карамзина, «Зимние заметки о летних впечатлениях» Достоевского, – хотя ничего беспрецедентного в них нет. Фонвизин, по А.Ю. Соловьеву, конструирует модель «разочарованного путешественника» (в чем его опередил Кантемир в своих письмах), а Карамзин и Достоевский моделируют конструкции «наивных путешественников».

Эпитеты выглядят, как надписи на могилах, заказанных скаредными родственниками, но хрестоматийные имена разбавлены менее известными, отнесем к достоинствам книги А.Ю. Соловьева главы о мало привлекающей внимание продукции последователей Карамзина – В. Измайлов, П. Макаров, П. Шаликов [Соловьев, 2022, с. 131–154].

А.Ю. Соловьев включает в свой анализ «Письмо сицилийца» (1700) Дж.П. Мараны, поскольку 17-летний Кантемир, когда его переводил в 1726 г., «моделировал встречу с Европой, в которую самому переводчику еще только предстояло отправиться» [Соловьев, 2022, с. 28], и сам потом в письмах 1736 г. обнаружил «разочарование» Парижем [Соловьев, 2022, с. 29]. Марана, запрограммировавший Кантемира на десятилетие вперед, предвосхитил просветительский прием «свежих глаз», оптику как раз «наивного» путешественника, Франсуа Муру сравнивал его с Дюфрени [Moureaux, 2005, p. 207], но концептометр А.Ю. Соловьева откалиброван так, что показывает разочарование, которое у него становится обычной реакцией русских путешественников на Европу. Отыскав в собрании Паниных список марановского письма, А.Ю. Соловьев задается риторическим вопросом, не связан ли интерес Н. Панина к тексту с поездкой его секретаря Фонвизина во Францию, хотя бы там и не было пересечений с его письмами [Соловьев, 2022, с. 28, прим. 18]. При наличии свободного времени теми же вопросами можно задаться, разбирая «Турецкое воспоминание, или Истории двух турков во время их жития во Франции», «Записки Толстого Петра Андреевича о поездке и пребывании в Италии 1697 г.», «Описание езды Бариса Михайлыча в Женеву», «Письма одного персианина в Англии к другу его в Испагане» и другие рукописи из того же собрания.

Письма перса в Исфахан Д. Литтлтона раскрывают тему русских в Европе столько же, сколько «Путешествие в Сибирь» Ж. Шаппа д'Отроша (1768). Появление последнего мотивировано тем, что Фонвизин с ним спорит [Соловьев, 2022, с. 77, 207], одновременно находясь под его мощнейшим влиянием, поскольку именно из «Путешествия в Сибирь» в «Письма из Франции» перешел «принцип тенденциозного обобщения» [Соловьев, 2022, с. 56] – то, что Дидро назвал мелочными и абсурдными претензиями. Полемика такова: «У Шаппа <...> все вертится вокруг фигуры

Петра I», Фонвизин, напротив, «ни разу не упоминает Петра I» [Соловьев, 2022, с. 56–57], Шапп д’Отрош пишет про налоги, Фонвизин – тоже про налоги [Соловьев, 2022, с. 57]¹, но самое разительное – д’Аламбер, в котором Фонвизин «нашел премерзкую фигуру и преподлинную физиогномию». Связано это с тем, что именно д’Аламбер рекомендовал Академии издать «Путешествие в Сибирь» [Соловьев, 2022, с. 58]. Фонвизин, находясь под дискурсивной властью аббата, пытается занять его место и сублимирует ненависть к нему в бодишейминг его протектора в академии, – мысль самая небанальная, остается сожалеть, что А.Ю. Соловьев, выйдя к перспективному фрейдистскому клондайку, оставил его нетронутым.

«Книга продемонстрировала Европе удручающий взгляд на русский национальный характер: русские – варварский народ, пребывающий в рабстве из-за деспотизма» [Соловьев, 2022, с. 54], – пишет А.Ю. Соловьев, не поясняя, что именно его удручает в этом взгляде на русский национальный характер, возможно, он развернул мысль на защите диссертации в Эстонии 18 ноября 2022 г. Россия как страна варваров – почтенная травелогическая традиция, описанная в работах М. Мирво, Ж.-К. Роберти, А. Строева и др., у Шаппа д’Отроша есть много предшественников и наследники, в числе последних – Астольф де Кюстин, с «неагтивными (sic) высказываниями» которого А.Ю. Соловьев обещает не вступать, но вступает в запоздавшую на 165 лет дискуссию [Соловьев, 2022, с. 195–196]. Отвечающий на «Путешествие в Сибирь» екатерининский «Антидот» упоминается 17 раз [Соловьев, 2022, с. 34, 54–59, 77, 86, 207], ответ Кантемира и его секретаря Генриха Гросса на «Московитские письма» (*Lettres Moscovites*, 1735) Ф. Локателли – ни одного, хотя сюжет напрашивался в труд о русских в Европе. Кантемира душило бессилие, он пытался скрыть, что текст Локателли напечатан и оправдывался в доносах вице-канцлеру Остерману, что англичане против собственного монарха печатают пам-

¹ До конца XVII в. путешественники только и писали, что почем и сколько это в переводе на их валуту, пока не появилось «Королевство Сиам» Симона де Лалубера с праантропологическим подходом [Love, 1994, p. 155], нравоописательностью в духе моралистов, а главное – наблюдательностью, способностью, которую невозможно имитировать, можно только красть результаты, чем и занимался постоянно Фонвизин.

флеты, так что запретить перевод книги на английский через суд не получится [Кантемир, 1868, т. 2, с. 99, 102]. Когда он выяснил имя автора – узнал сначала имя его любовницы, установил за ним слежку, – то предложил поймать и избить Локателли: «...к наказанию его, Локателлия, один способ остается, чтобы своевольным судом чрез тайно посланных гораздо побить» [Кантемир, 1868, т. 2, с. 102], и тут же вызвался «онный способ в действо привести». «Модель “русский в Европе”» приобретает статус универсалии – инварианта, где варьируются только способы расправы. Чтобы нейтрализовать критику, Кантемир предлагает написать опровержение. В процессе работы, судя по письмам из Лондона, замысел эволюционировал: Кантемир предложил добавить политическое и географическое описание России [Крашенинникова, 2005, с. 248]. Если посмотреть на результат – «Так называемые “Московитские письма”, или Направленные против славной русской нации... клеветы и тысячекратная ложь» (*Die so genannte Moscovitische Brieffe, Oder Die, wider die löbliche Rußische Nation Von einem Aus der andern Welt zurück gekommenen Italiäner ausgesprengte abendtheurliche Verläumdungen und Tausend-Lügen*, 1738), становится понятно, что эволюция продиктована бессилием что-либо опровергнуть: Локателли писал о том, с чем столкнулся в России, – несоординированность провинции и центра, бюрократия, переизбыток иностранцев, алкоголизм и прочее, чему можно найти параллельные места в мемуарах, путевых заметках или письмах других путешественников. Если бы не сведения о географии, геологии и сельском хозяйстве, которые вывалены в ответ на замечание Локателли, что огромные неосвоенные пространства – это обуза, создающая трудности для передвижения, возражения были бы, как предисловие: «неряшливая пачкотня» [Кантемир, Гросс, 2003, с. 224], «бесмысленный лай этого помешанного», «с дерзостью умалишенного», «позорного лжеца ткнуть носом в его же грязь» [Кантемир, Гросс, 2003, с. 228], «этот писака все перевирает» [Кантемир, Гросс, 2003, с. 229], «ничтожный и нечестный из бабьей жажды мщения порочит нацию» [Кантемир, Гросс, 2003, с. 231].

Главной задачей книги, как признается в конце А.Ю. Соловьев, было «показать природу взаимодействия текста с читателем», «способы, которыми текст “проговаривается” о себе» [Соловьев, 2022, с. 205]. В случае с Карамзиным «интересующая автора

тема, мотив постоянно переходит из модуса бытия в модус письма и обратно» [Соловьев, 2022, с. 96], в случае с Фонвизиным формулировка менее чеканна: тот просто «создает эффект передачи разговоров, создания устного субстрата писем» [Соловьев, 2022, с. 64], цель его «не в выявлении национального характера, а в демонстрации отношения к нему» [Соловьев, 2022, с. 45].

Фонвизин, будучи секретарем внешнеполитического ведомства, хорошо понимал, какое отношение к Франции нужно демонстрировать: «Сравнивая наших крестьян в лучших местах с тамошними, нахожу, беспристрастно судя, состояние наших (то бишь, крепостных. – М. О.) несравненно счастливейшим», «все рассказы о здешнем совершенстве сушая ложь», и т.д. Посольского секретаря в Саксонии И.Ф. Богдановича, фонвизинского однокашника, который этой оптикой пренебрег и, как показалось графу Орлову, проезжавшему на воды через Дрезден, чрезмерно европеизировался, в 1768 г. обвинили в измене и засунули с долины Эльбы на петербургские болота, где он до старости лет доказывал верноподданность и писал про русские пословицы и Добромысла.

Очевидно, что Матвеев, Кантемир и Фонвизин пишут так, а не иначе, потому что они сотрудники дипломатических миссий и ведомств. «О дипломатическом задании Матвеева и его влиянии на его текст, рассмотрение которого не входит в задачи нашей работы, см. Берелович 1996» [Соловьев, 2022, с. 20, прим. 8], – сообщает А.Ю. Соловьев и компульсивно поправляет М.А. Алпатова, видевшего в тексте «обращение к другому лицу» (Петру), перед которым Матвееву надлежало отчитываться. От обязанности в дальнейшем разбирать этот принципиальный для темы аспект А.Ю. Соловьев избавляет себя ссылкой на М.Я. Билинкиса, который писал, что в первой трети XVIII в. «русская литературная культура начинает различать жанры записок и жизнеописаний», так что «на место события – дипломатического путешествия <...> ставится описание новой для России культурной модели» [Соловьев, 2022, с. 20]. Но структурообразующее для травелога событие путешествия от этого никуда не девается, и без учета его обстоятельств за эти тексты даже не стоит браться. Отставной статский советник Фонвизин в путевых журналах не разочарованный, а брюзгливый, ему такой взгляд органичен, от него ждали заметок чернилами, разведенными ядовитой слюной, он об этом знал и от-

вечал на запрос, и взгляд этот не дальше трех метров вокруг себя, откуда и взяты «выявлению национального характера», когда фиксируются либо неудобства – театришка мерзкий, еда скверная, вонь, сырость, прислуга не в собственности и не лебезит – либо, реже, удобства – нюрнбергские пирожные, ванна с двумя винтами: «Повернув один,пустишь воду теплую; повернув другой, холодную; так что сидящий в ванне наполняет ее столько и такую воду, как сам захочет <...> Жаль, что у нас нет такого приятного и для здоровья полезного установления». Когда он едет в Европу на лечение, «модус письма» вовсе сливается с «модусом бытия» в триаде еда / рвотное / слабительное¹, но брызжать он из последних сил не перестает, и в этом смысле заметки о Германии не отличаются от заметок о Малороссии.

А.Ю. Соловьев вслед за князем Вяземским приходит к выводу, что источником записок Фонвизина «можно считать хотя бы отчасти» «Рассуждения о нравах нашего века» Дюкло, выписывает своды заимствований Фонвизина по А. Стричеку, который нашел источник письма о принятии Вольтера в академию и постановке «Ирины» 30 марта 1778 г. в *Journal de Paris* (№ 90 от 31 марта), хотя до него то же самое нашел Д. Стремоухов [Strémooukhoff, 1961, р. 187, note 5], и заимствования Матвеева из «Описания города Парижа» Жермена Бриса, на которые указала И.С. Шаркова, опубликовавшая матвеевский текст. План по изложению чужих выводов перевыполнен, но не все они, попадая в книгу А.Ю. Соловьева, автоматически становятся научными. Фонвизин кусками вставлял в свои тексты чужие и так же писал о Франции. Апофеоз Вольтера описан в нескольких источниках, и если бы А.Ю. Соловьев перевел то, что в 1950-е годы нашли в офлайн-библиотеке, а не просто скопировал в левую колонку, он бы заметил не только отсутствие описаний уличных чествований – они не совпадают и в интерьерах. У Фонвизина Вольтер произносит фразу «О боже, вы хотите меня уморить» (« Ah! Dieu, vous voulez donc me faire

¹ Этот его журнал (РГАЛИ. Ф. 517. Оп. 1. Ед. хр. 1) издан в отрывках, всю физиологию – неспецифичную для Фонвизина, это специфика «медицинских эго-документов» XVIII в., см.: [Заботы и дни ..., 2019, с. 54, 81], – утаил от российского читателя П.А. Ефремов, а от советского – Г.П. Макогоненко, который перепечатал текст у Ефремова.

mourir! »)¹, «заплакав от радости», в *Journal de Paris* – «проникновенным голосом», « en disant d'un ton pénétré » [*Journal de Paris*, 1778, p. 359], плачет от радости (« pleurant de joie ») он в башоминовских хрониках (*Mémoires secrets pour servir à l'histoire de la République des Lettres en France depuis 1762 jusqu'à nos jours*, 1779) Пиданса де Меробера [*Mémoires*, 1779, p. 194]. По ним Фонвизин пересказывает новости о «поединке дюка де Бурбона с королевским братом графом д'Артуа» и о возвращении в Париж Вольтера (он вернулся 10 февраля 1778 г.). Скандал на балу Марди Гра описан под 14 марта [*Mémoires*, 1779, p. 163–165], дуэль под 17 марта [*Mémoires*, 1779, p. 169–171], избрание Вольтера в академию и представление «Ирины» 30 марта – под 1 апреля [*Mémoires*, 1779, p. 192–195], в последнем случае повторяются фрагменты из *Journal de Paris* [*Journal de Paris*, 1778, p. 359–360], фразы совпадают, но не идентичны. Из записи за 5 марта Фонвизин берет свое остроумное наблюдение о том, что французы котируют вернувшегося Вольтера на уровне божества («Прибытие Волтера в Париж произвело точно такое в народе здешнем действие, как бы сошествие какого-нибудь божества на землю»): «...on l'a vénéré comme un génie unique, comme un dieu n'ayant rien de commun avec ses semblables...» [*Mémoires*, 1779, p. 144] – «...ему поклонялись как уникальному гению, как божеству, не имеющему ничего общего с собратьями». В *Journal de Paris* такая аналитика не печаталась, там Вольтер 3 марта без тени сарказма назван всего лишь «благодетелем человечества», « bienfaiteur de l'humanité » [*Journal de Paris*, 1778, p. 246]. Хроники менее церемонны: в них чувствуется раздражение всеобщим ликованием, «Ирина» в записи за 17 марта именуется перехваленной «журналистами и его <Вольтера> поклонниками», хотя уступает по элоквенции «Эдипу» (1718), «Альзире» (1736) и «Магомету» (1741), три последних действия траге-

¹ Чтобы оценить контекст фразы: у Вольтера рак простаты, странгурия (запор мочи), отекают ноги, кашель, лихорадка, лопнул «сосуд в груди», идет горлом кровь, лечат его ослиным молоком, он пропускает премьеру, во время ремиссии едет на шестое представление, где публика, собравшаяся на него, а не на трагедию, подвергает его пытке славой, а после спектакля пытается выпрячь лошадей из его кареты. Вернувшись домой, Вольтер, плача уже, вероятно, не от радости, говорит, что не пошел бы в театр, если бы предвидел все глупости, которые будут сделаны.

дии «пусты и холодны», а диалоги многословны и полны повторов, «одним словом, она может лишь пополнить число последних посредственных произведений автора» – «*En un mot, elle ne peut que grossir le nombre des dernières pièces médiocres de l'auteur*» [Mémoires, 1779, p. 172], отсюда у Фонвизина: «Нельзя никак сравнивать ее с прежними, но публика приняла ее с восхищением». Есть подробные отчеты о болезни Вольтера, о которой запретили писать редактору *Journal de Paris* [Mémoires, 1779, p. 142], ср. у Фонвизина: «...правительство запретило особливим указом печатать то, что Вольтеру предосудительно быть может». Фонвизин, авторитетно заключая, что Вольтер долго не протянет, умышленно относит запрет к «безыменным сатирам» – «стихам против “Ирины”», которые Вольтер прочел и молча вернул [Mémoires, 1779, p. 166]. Стихами «в его славу», которые в отличие от сатир печатаются, именованы опубликованные в *Journal de Paris* стихи франкмасона маркиза Девилетта [Mémoires, 1779, p. 142], см.: [Journal de Paris, 1778, p. 245] и экспромт маркиза де Сен-Марка [Mémoires, 1779, p. 194–195; Journal de Paris, 1778, p. 359], списанный в письме к Ф.И. Аргамаковой.

В 2011 г. коллега А.Ю. Соловьева по ИРЛИ А.А. Костин объявил, что искать источники с Google стало просто: сиди и вбивай слова в поисковик. А.Ю. Соловьев показывает, что возможности поисковика ограничены. На с. 61–63 исследователь переносится в Париж 1778 г. и видит «встречу четы Фонвизиных с Вольтером у входа в театр». Чета смотрит трагедию уже не в первый раз и находит ее сыгранной «с большим совершенством, нежели в прежние представления»¹, обсуждает с парижанами и слушает «быстро сформировавшееся предание о событиях», чем объясняется совпадение сцены с факелами с «Литературной корреспонденцией» Гримма («Знакомство с текстом из “*Correspondance littéraire*” на следующий же день после представления нужно исключить <...> Здесь мы имеем дело с совпадением фактов <...> этот фрагмент – вкрапление некоего устно-литературного субстрата...»), а потом едет в отель и описывает вчерашний день по статье

¹ Оценка повторяется в нескольких источниках, в башомоновских хрониках «аплодировали больше, чем обычно, но не так много, как нужно в ответ на этот триумф».

из *Journal de Paris*. Но А.Ю. Соловьева настораживает не это, а умолчание Фонвизина о французской академии, в котором предлагается видеть «проявление академической солидарности»: «избрание Вольтера было неким жестом, но означало ли оно попытку поглощения независимого писателя придворной культурой или напротив, победу его над Двором, этого Фонвизин не касается. Фонвизин и сам стал членом академии – Российской – правда, уже позже (1783)». Саспенс нагнетается в самом безмятежном месте (избирали Вольтера, очищенного от его анонимных сочинений), только что отброшенный в канаву барон Гримм, опознанный в качестве источника Г.А. Гуковским, подбирается и недоуменно разглядывается: «Эта осторожность снова (как и совпадение одной фразы с “Correspondance” Гримма) заставляет нас – крайне осторожно – задать вопрос о датировке если не самих писем, то некой редакторской работы над тем текстом, который известен нам по автографу...». У нас тоже есть несколько вопросов: с кем А.Ю. Соловьев разговаривает? Какой именно был вопрос, и кто должен на него ответить? Почему Фонвизин описывает только что увиденный спектакль по газете? Что совпало – факты или предания? Зачем было слушать «устно-литературный субстрат», если факелы имеют свойство светиться? И какая тут к черту осторожность? Разумеется, «редакторская работа» велась по возвращении, иное означает, что сборник готовил генерал-аншеф Панин, временно исполняя обязанности секретаря дауншифтящего секретаря своего брата, делать ему было больше нечего, но датировать ее желательно по источникам, а не аутоскопическим интроскопциям. Условность датировок видна из писем безотносительно к источникам: на обоих выставлены «20/31 марта», во втором, к сестре, речь идет только о 30 марта («Вчера Волтер был во Французской академии...») и нет ничего, что могло бы начаться 20-го. Фонвизин зарегистрирован парижской полицией в отеле Danemark на улице Jacob 3 апреля [Кондаков, 2019, с. 259]¹, будучи занятым изгнани-

¹ Эта работа, где опубликован документ из архива французского МИДа, была А.Ю. Соловьеву известна [Соловьев, 2022, с. 66], он еще поправил интенданта парижской полиции, который ошибся – не иначе как из-за плохого французского – в переводе чина Фонвизина: «советник императрицы» вместо «титularный советник». Дело, конечно, не во французских ошибках, а в русских понтах: в киевский трактир Фонвизин заселится как «родня Потемкина», в па-

ем солитера из жены, ни на какой спектакль не ходил – даже если он не опоздал и приехал в марте, как сам утверждает, театр был забит местными, как его жена глистами, он бы просто туда не попал, – поэтому упущенное знаковое событие «задокументировано» задним числом в запропавшем при пересылке письме (об этом упоминается в следующем, предыдущие, с курорта, исправно доходили, несмотря на извозчиков-«скотов») по источникам, которые предстоит заново описать, поскольку к интерпретации того, что ищется Google, в труде А.Ю. Соловьева нет никакой дороги. Произвольно предположение, что Панин не мог опознать плагиат из газеты, так как у него не было интернета [Соловьев, 2022, с. 61]: плагиат из Дюкло Панин сам или с помощью княгини Дашковой опознал, и Фонвизин оправдывался за него в неопубликованном и до сих пор не разысканном письме [Новонайденный автограф..., 1968, с. 127], иностранные газеты в России читали. «Из героев нашего повествования <...> меньше всего повезло Фонвизину» [Соловьев, 2022, с. 7], аминь.

Помимо аналитической надломленности в книге встречаются спорные утверждения, которых не ждешь от сотрудника Отдела русской литературы XVIII века Пушкинского Дома, например, что если нет печатного текста, а только списки с рукописей, то они «не встроены» в литературный процесс [Соловьев, 2022, с. 28]. Рукописные книги и сборники продавались, покупались и ставились на полках рядом с печатными, в кожаных переплетах с золотым тиснением, иногда антроподермических, в этом особенность литературного процесса XVIII в., и не только XVIII, можно ли утверждать, что советский самиздат не был встроен в литературный процесс. Карамзин знал фонвизинские «Записки первого путешествия» по списку, герой М.Н. Загоскина Владимир Завольский – ярославец, представляющий себя превозвышенным над дилетантами знатоком живописи и манускриптов, – говорит, что читал журнал в рукописи, когда служил еще в Петербурге, А.Ю. Соловьев настаивает, что 50-летний Загоскин, конечно, познакомился с ним только что, по собранию сочинений 1838 г. [Соловьев, 2022,

рижский отель вписался как литератор (*un homme de lettres*), ливонец (*Livonien*) и советник императрицы (*conseiller de l'impératrice de Russie*). В путешествиях он, похоже, подражал авантюристам, которых обличал: где еще и внушать уважение, как не там, где не проехать.

с. 156]. Основание – продуктивный академический обмен идеями: «В очерке <Загоскина> 1820 г. “Путешественник” Фонвизин не упоминается. Благодарю Е.А. Ящук за это уточнение» [Соловьев, 2022, с. 156], а еще можно было сличить выписку с текстом издания 1838 г. и убедиться, что она имеет мелкие разночтения, свойственные спискам, и заметить, что на печатные тексты Завольский ссылается иначе (в случае с бароном д’Оссе указаны том и страница), да и вообще, что за привычка всех поправлять на ровном месте.

На с. 14–15, 241–243 сообщается, что научный сотрудник ИРЛИ А.Ю. Соловьев восемь лет публиковал статьи о тревелогах и с 2015 г. экстерном проходил докторантуру Тартуского университета, где, видимо, прочел много сборников 1970-х годов о вторичных моделирующих системах. Появление книги сопряжено с большой ответственностью, так как ей предстоит выдержать сравнение с продукцией двух научных школ, не упоминая об остальных, – книгами П.Р. Заборова, Ю.Д. Левина, В.Д. Рака, занимавшихся изучением русско-европейских связей в ИРЛИ, и трудами тартуских компаративистов, планку которым поставил Ю.М. Лотман работами о французских влияниях на Радищева, Карамзина и Пушкина. Ни монографии, ни докторской диссертации у А.Ю. Соловьева не получилось, получился сборник статей, задним числом скрепленных «теорией». Концептуализировать, что его увлекало все эти восемь лет, и почему именно это, а другое нет, он так и не смог, поэтому превратил в теорию что есть, и сделал вид, что этот хаос строго продуман. Пытаться рассмотреть за этим систему сродни решению задачи трех тел, что не удалось даже трисолярианам, для которых это было действительно важно.

Ракурс, заданный книгой, несомненно, интересен: россиянин везет с собою в Париж свой ад и транслирует его в тревелог. Книга А.Ю. Соловьева может стать если не источником открытий, то одной из отправных точек для авторов, которые возьмутся с необходимой аналитической тонкостью описывать искры, высекающиеся при столкновении русских с Европой.

Список литературы

1. Заботы и дни секунд-майора Алексея Ржевского. Записная книжка, (1755–1759) / подгот. текста: И.И. Федюкин, А.М. Феофанов, М.М. Пироговская,

- А.О. Видничук ; сост. и науч. ред. И.И. Федюкин. – Москва : Издательский дом Высшей школы экономики, 2019. – 160 с.
2. *Кантемир А.Д.* Сочинения, письма и избранные переводы князя Антиоха Дмитриевича Кантемира : с портр. авт. со ст. о Кантемире и с прим. В.Я. Стоюнина : [в 2 т.]. – Санкт-Петербург : И.И. Глазунов, 1868. – [Т.] 2. – 462 с.
 3. [*Кантемир А.Д., Гросс Х.Ф.*] Так называемые Московитские письма, или Направленные против славной русской нации и составленные неким прибывшим с чужбины итальянцем немислимые клеветы и тысячекратная ложь [Фрагменты] / перевод С.В. Тураева, Е.Г. Владимировой ; вступ. заметка, подгот. текста и коммент. Н.Д. Блудилиной // Россия и Запад : горизонты взаимопознания. Литературные источники XVIII века, (1726–1762). – Москва : ИМЛИ РАН, 2003. – Вып. 2. – С. 153–291.
 4. *Кондаков Д.А.* Русские литераторы XVIII века глазами парижской полиции // Slověne. – 2019. – Vol. 8, № 1. – С. 254–268.
 5. *Крашенинникова О.А.* «Пишу по должности гражданина...» : проблемы национального самопознания в творчестве Кантемира // Русская литература как форма национального самосознания. XVIII век. – Москва : ИМЛИ РАН, 2005. – С. 227–255.
 6. Новонайденный автограф Пушкина (заметки на рукописи книги П.А. Вяземского «Биографические и литературные записки о Денисе Ивановиче Фонвизине») / подгот. текста, ст. и коммент. В.Э. Вацуру, М.И. Гиллельсона. – Москва ; Ленинград : Наука, 1968. – 128 с.
 7. *Соловьев А.* Проблема «Россия и Европа» в русских литературных путешествиях (Фонвизин – Карамзин – Достоевский). – Tartu : University of Tartu Press, 2022. – 246 с.
 8. Journal de Paris. Numéro 1. Jeudi 1-er Janvier 1778, de la Lune le 4 – Numéro 181. Mardi 30 Juin 1778, de la Lune le 7. – 1778. – 724 p.
 9. *Love Ronald S.* Simon de La Loubère : French views of Siam in the 1680 // Journal of the Siam society. – 1994. – Vol. 92, pt. 2. – P. 155–164.
 10. Mémoires secrets pour servir a l’histoire de la république des lettres en France, depuis MDCCLXII jusqu’a nos jours, ou Journal d’un Observateur / par Feu M. de Bachaumont. – London : John Adamson, 1779 [MDCCLXXIX]. – T. 11. – 264 p.
 11. *Moureau François.* Le théâtre des voyages : une scénographie de l’âge classique. – Paris : Presses de l’Universite Paris-Sorbonne, 2005. – 584 p.
 12. *Strémooukhoff D.* Autour du “Nedorosl” de Fonvizin // Revue des Études Slaves. – 1961. – N 38. – P. 185–192.